

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА СЕМАНТИКИ И СФЕРА ДЕЙСТВИЯ ДИСКУРСИВНОГО МАРКЕРА «ВИДИМО»

К. М. Шилихина

Воронежский государственный университет

В. В. Смирнова

Воронежский институт МВД России

Поступила в редакцию 29 октября 2016 г.

Аннотация: в статье проводится анализ смены семантического, синтаксического и прагматического статуса русского дискурсивного слова «видимо». В качестве материала исследования использованы данные Национального корпуса русского языка. Обращение к данным исторического и основного подкорпусов позволяет проследить эволюцию данного слова от страдательного причастия до дискурсивного маркера. Процесс прагматикализации сопровождается утратой исходной семантики зрительного восприятия, разрывом синтаксических связей и появлением у словоформы дискурсивной функции: в современном русском языке «видимо» указывает на предположительность сообщаемой информации.

Ключевые слова: корпус, дискурсивный маркер, прагматикализация, сфера действия.

Abstract: the paper analyzes historical changes of semantic, syntactic and pragmatic features of the Russian discourse marker “vidimo” (“apparently”). The research is based on the data from the historic and the main subcorpora of the Russian National Corpus. The analysis shows how the discourse marker “vidimo” evolved from participle. The transition (or pragmaticalization) involves the loss of the word’s original meaning and syntactic connections within a sentence and the development of a discursive function. In modern Russian “vidimo” functions as a parenthetical word and is used to demonstrate tentativeness of the information conveyed.

Key words: corpus, discourse marker, pragmaticalization, scope of application.

Дискурсивный маркер *видимо* – один из наиболее востребованных в современном русском языке. По данным основного подкорпуса Национального корпуса русского языка [1], средняя относительная частота словоформы *видимо* составляет около 105 случаев вхождения на 1 млн словоупотреблений, причем в большинстве контекстов *видимо* используется именно как дискурсивный маркер. Хронологический анализ частоты употребления данной словоформы с 1800 г. по настоящее время показывает ее существенный рост: если в текстах первой половины XIX в. относительная частота вхождения составляла чуть более 25 случаев на 1 млн словоупотреблений, то в текстах, созданных в период с 1986 по 2016 гг. данная словоформа используется с относительной частотой 134 вхождения на 1 млн словоупотреблений. Можно предположить, что рост частоты употребления *видимо* связан с прагматикализацией этой языковой единицы, т.е. с развитием у нее дискурсивного значения предположительности. Хронологическое распределение частоты употребления словоформы *видимо* в НКРЯ иллюстрирует рисунок.

В данной статье обсуждается два аспекта функционирования дискурсивного маркера *видимо*: исто-

рическая динамика его семантики и сфера его прагматического действия.

Историческая динамика семантики дискурсивного маркера *видимо*

В современном русском языке дискурсивный маркер *видимо* относится к группе лексических средств с семантикой предположительности: с его помощью говорящий маркирует собственную неуверенность в полной достоверности сказанного, указывая на то, что сообщаемая информация – это не утверждение, а предположение о вероятном положении дел. В предложении маркер *видимо* чаще всего занимает независимую синтаксическую позицию, поэтому в грамматических описаниях его относят к группе вводных слов, выражающих оценку сообщаемой информации с точки зрения ее достоверности [2]. Однако хронологический анализ контекстов употребления этого дискурсивного маркера показывает, что изначально словоформа *видимо* не использовалась как дискурсивный маркер, но функционировала как синтаксически полнозначный элемент высказывания. Ее семантика не была связана с выражением сомнения; напротив, с ее помощью говорящий выражал полную уверенность в очевидности (следовательно, достоверности) информации. Исто-

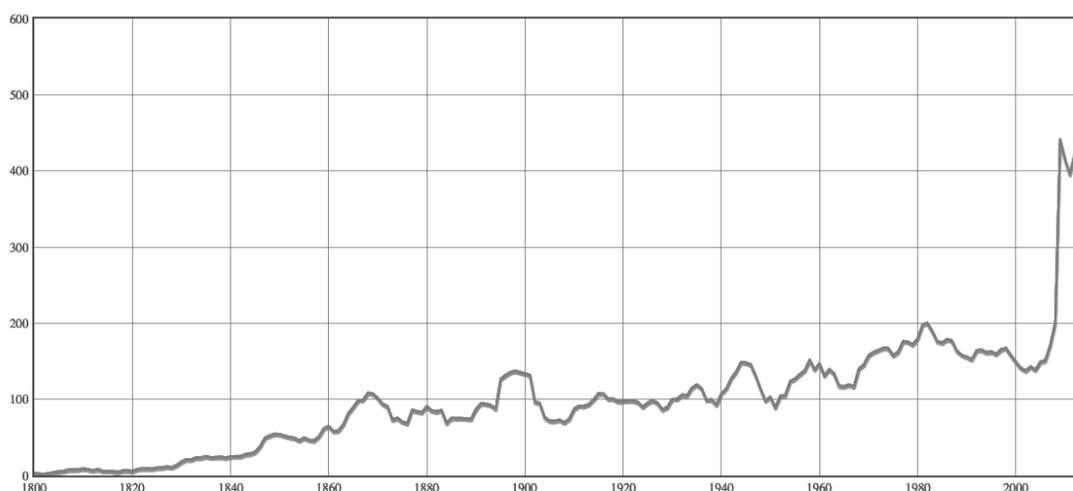

Рисунок. Относительная частота употребления словоформы *видимо* по годам (по данным Национального корпуса русского языка)

рический (старорусский) подкорпус НКРЯ дает 23 контекста употребления этой словоформы:

(1) *Небо точью о художественный же и зрительный мысли и дѣйства есть наша душа, въ умнѣмъ сущьствѣ таково дѣлаючи; ниже чювьства едина къ еже по естъству дѣйству устраяеть; но много убо еже по желанию, много же еже по ярости движение видимо есть въ естъствѣ* [Из Диоптры Филиппа Пустынника. Разговор души и плоти (1300–1400)].

(2) *Священное бо его и трудолюбное тѣло нетлѣнно возлюбленный от него Христос съблюде, всѣми видимо даже и досель* [Сказание о Валаамском монастыре (1558–1770)].

Все контексты в историческом подкорпусе НКРЯ – это примеры полнозначного употребления словоформы *видимо* как страдательного причастия в составе сказуемого.

Анализ динамики употребления данной словоформы проводился на материале основного подкорпуса НКРЯ. Далее будут представлены данные, ха-

рактеризующие семантические и прагматические свойства словоформы *видимо* в двух периодах: с 1800 по 1850 г. и с 2010 по 2015 г. Такой хронологический выбор дает возможность сопоставить употребление *видимо* на раннем этапе развития русского литературного языка и современное использование этой словоформы и показать результат процесса прагматикализации, т.е. утраты собственной семантики зрительного восприятия и перехода *видимо* из полнозначных языковых единиц в разряд дискурсивных маркеров.

Одним из этапов исследования был анализ грамматических свойств словоформы *видимо*, а именно – наличия у нее синтаксической связи с другими словоформами, ее позиции в предложении и частеречной принадлежности. Данные о «грамматических предпочтениях» словоформы *видимо* для периода с 1800 по 1850 г. представлены в табл. 1:

В контекстах, в которых *видимо* функционирует как страдательное причастие, сохраняется его исходная семантика зрительного восприятия:

Таблица 1

Грамматические характеристики словоформы «видимо» в период с 1800 по 1850 г.

Частеречная принадлежность словоформы <i>видимо</i> и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Причастие в составе сказуемого	31	10,5
Наречие, связанное с глаголом или деепричастием	119	40,2
Вводное слово в начале предложения	3	1,0
Вводное слово внутри предложения	142	48,0
Вводное слово в конце предложения	1	0,3
Всего	296	100

(3) Тогда я понял, что это странное явление **было видимо** только для одного меня [В. Ф. Одоевский. Сильфида (1837)].

(4) Юня 26 дня (ст. шт.), **полное солнечное затмѣние было видимо** въ многихъ мѣстахъ и въ Россіи и въ Западной Европѣ [Д. Перевоицковъ. Программа для любителей астрономіи // «Москвитянинъ», 1850].

(5) Ведьма тоннула ногою: синее пламя выхватилось из земли; середина ее вся осветилась и стала как будто из хрусталя вылита; и **всѣ, что ни было под землю, сделалось видимо, как на ладоне** [Н. В. Гоголь. Вечер накануне Ивана Купала (1831–1832)].

Видимо-наречие, как правило, синтаксически связанное с глаголом или деепричастием, по-прежнему сохраняет семантику зрительного восприятия и в большинстве контекстов может быть заменено на синонимическое наречие заметно:

(6) Толпа строений: людских, амбаров, погребов, **видимо ветшавших**, наполняла двор; возле них направо и налево видны были ворота в другие дворы [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)].

(7) Гнедич уверяет, что с некоторых пор **русский театр видимо совершенствуется** и, не говоря уже о прежних известных талантах, которые в продолжение последних трех лет, благодаря многим новым пьесам, на театр поступившим, необыкновенно оживились и, можно сказать, переродились, являются на сцену таланты молодые, свежие, с лучшим образованием и современными понятиями об искусстве [С. П. Жихарев. Записки современника (1806–1809)].

(8) Все время до обеда, то есть до четырех часов, прошло довольно скучно; **погода видимо портилась**, море сердилось, и качка усилилась до того, что ходить становилось трудно [В. А. Волярярский. Поездка на марсельском пароходе (1850)].

(9) Я оправился на тот раз, но потрясение было жестоко; с той поры **здоровье мое видимо стало склоняться к западу**, и наконец доктора присоветовали мне для исцеления Кавказские воды [А. А. Бестужев-Марлинский. Вечер на кавказских водах в 1824 году (1830)].

Наречное употребление предполагает наличие семы «наблюдателя» в семантике того глагола, с которым связана словоформа *видимо*: рассказчики видят своими глазами ветхие дома или изменение погоды, ухудшение здоровья влияет на внешний вид так, что это становится заметно (т.е. очевидно) для окружающих, а состояние театра воспринимается и оценивается критиками *умозрительно*.

Хорошо известно, что глаголы зрительного восприятия развивают метафорические значения, связанные с мыслительной деятельностью и процессом понимания [3]. Именно это свойство позволило

словоформе *видимо* сделать следующий шаг в расширении своей семантики: уже на раннем этапе развития русского литературного языка она активно используется как дискурсивный маркер, который позволяет говорящему высказывать предположения, делать умозрительные заключения о какой-либо ситуации или оценивать вероятность наступления тех или иных событий как высокую. *Видимо* становится вводным словом, на что указывают запятые, которыми оно отделяется в предложении:

(10) Читал он мне весьма колкое ево письмо князю Кутузову об грабительствах, чинимых арміею по селениям и прч. **Видимо, они злодействуют взаимно и вредят**. Обедал я у Валуева, которой приметно опустился от горести потери Москвы [Д. М. Волконский. Дневник. 1812–1814 гг. (1812–1813)].

(11) **Смертный час, видимо, близился**, – и ужасна казалась кончина умирающему [А. А. Бестужев-Марлинский. Вечер на кавказских водах в 1824 году (1830)].

Позиция вводного слова, обособляемого запятыми внутри предложения, в контекстах данного периода уже количественно преобладает над полнозначным употреблением. Количественно позиция между субъектом и предикатом встречается наиболее часто – в 48 % контекстов:

(12) Противоречие, **видимо**, разрешится только участием ассоциации всех [наций] производящих наций, что и приведет опять к нашему положению, выше изъясненному, – законы работ устанавливаются [бессознательно] самими народами, вследствие их новых потребностей [П. В. Анненков. Записки о французской революции 1848 года (1848)].

(13) Мери поняла, что не должно было удерживать странных гостей своих, потому что пожилая дама, **видимо**, желала увести свою племянницу и казалась беспокойна, когда та говорила [М. С. Жукова. Дача на Петергофской дороге (1845)].

Начальная и конечная позиция для *видимо* как вводного слова не характерны для данного периода: НКРЯ содержит единичные примеры такого употребления:

(14) Дней через 12 с небольшим я надеюсь быть в Бомбее. Не знаю, решусь ли я предпринять пятнадцатидневную поездку к «погребам Эллары». **Видимо, проведу месяц в гордом спокойствии независимости**, раскинув стан в виду индийского города [А. Д. Салтыков. Письма из Индии (1843)].

(15) Так, в Берлине наслаждался я уже избитым голосом Лева, а здесь предстояло мне наслаждение видеть пресловутую Шредер-Девриент, с голосом, **начинающим глохнуть**, видимо [П. В. Анненков. Путевые записки (1842–1843)].

Таким образом, для раннего этапа существования русского литературного языка еще характерно как

дискурсивное, так и полнозначное употребление словоформы *видимо*, при этом количественно дискурсивное использование уже преобладает над полнозначным.

Теперь посмотрим на употребление словоформы *видимо* в период с 2010 по 2015 г. Обработав в Excel 1087 контекстов, мы получили следующие результаты (табл. 2):

Различия в употреблении словоформы *видимо* в начале XIX в. и в современном русском языке очевидны: в составе сказуемого вместо *видимо* употребляется *видно*, а как наречие *видимо* не встретилось ни разу. Это говорит о том, что в современном русском языке словоформа *видимо* практически полностью утратила семантику зрительного восприятия и употребляется только в функции дискурсивного маркера с семантикой предположительности. Таким образом, можно говорить о *прагматикализации* словоформы *видимо*. Под *прагматикализацией* понимается процесс формирования дискурсивного значения и утраты собственной семантики и синтаксических связей слова в предложении. Можно говорить о том, что, поскольку данный процесс сопровождается утратой семантики слова, прагматикализация – это процесс, во многом аналогичный *грамматикализации* – пере-

ходу полнозначных языковых единиц в разряд грамматических [4; 5].

Наибольшее количество дискурсивных употреблений словоформы *видимо* в современном русском литературном языке приходится на синтаксическую позицию внутри предложения:

(16) *Издатели сборников рассматривают их, видимо, как открытый проект, далекий от завершения, а значит, и от необходимости делать выводы* [Ольга Балла. Мышление пространством, или Стрелка указывает в будущее // «Знание-сила», 2014].

(17) *И я вижу по обстановке, как у них меняется жизнь: папа, видимо, стал довольно хорошо зарабатывать* [Юлия Вишневецкая. Большой дед следит за тобой // «Русский репортер», 2014].

Видимо в качестве вводного слова в начале предложения используется тоже достаточно часто – в 39,2 % контекстов:

(18) *Видимо, одним из первых это понял экс-издатель, до совсем недавних пор ключевая фигура в мире деловой литературы Михаил Иванов, который в прошлом году выиграл грин-карту, продал свою долю в издательстве «Манн, Иванов и Фербер» – и начал новую жизнь в другой стране* [Вячеслав Суриков. Девятый вал деловой литературы // «Эксперт», 2015].

Т а б л и ц а 2

Частеречная принадлежность и синтаксические связи словоформы «видимо» в период с 2010 по 2015 г.

Частеречная принадлежность словоформы <i>видимо</i> и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Причастие в составе сказуемого	0	0
Наречие, связанное с глаголом или деепричастием	0	0
Вводное слово в начале предложения	428	39,2
Вводное слово внутри предложения	652	60,0
Вводное слово в конце предложения	9	0,8
Всего	1089	100

(19) *Видимо, ему проще было написать нам подробный ответ, чем пару строк в приказе* [Михаил Федотов, Светлана Сухова. «Законодатели не поняли президента» // «Огонек», 2015].

Минимальное количество раз наше слово встречается в конечной позиции, всегда выделяясь запятой:

(20) *Кто-то с ней подолгу беседовал в детстве, видимо* [Вячеслав Солдатенко (Слава Сэ). Другие опусы... (2010)].

Таким образом, словоформа *видимо* практически полностью утрачивает семантику объективного зрительного восприятия; в дискурсивном употреблении оно указывает на субъективное ментальное восприятие и осмысление ситуации говорящим [6].

Наш дальнейший анализ будет сосредоточен на различиях в сфере действия дискурсивного маркера

видимо, которая определяется преимущественно его синтаксической позицией в предложении.

Сфера действия дискурсивного маркера *видимо* в современном русском языке

Понятие *сферы действия* введено в лингвистику И. М. Богуславским [7]; с его помощью описывается определенная синтаксическая конструкция, необходимая для заполнения семантической валентности лексемы. Поскольку в данной работе мы рассматриваем слово с дискурсивной семантикой, которое в подавляющем большинстве случаев является независимым членом синтаксической структуры высказывания, мы будем говорить не просто о сфере действия, но о сфере прагматического действия дискурсивного маркера *видимо*.

Сфера прагматического действия дискурсивного маркера *видимо* – это тот объем информации, в достоверности которой сомневается говорящий. В зависимости от синтаксической позиции, которую дискурсивный маркер занимает в предложении, сфера его прагматического действия может меняться, т.е. предположение о некотором положении дел может относиться либо к высказыванию целиком, либо к его отдельным частям. Рассмотрим несколько случаев (в приведенных далее контекстах, взятых из НКРЯ, орфография и пунктуация сохранены).

1. Вся сообщаемая в высказывании информация характеризуется как предположительная. В этой ситуации дискурсивный маркер *видимо* может занимать либо начальную позицию вводного слова, либо завершать клаузу:

(21) *Через день мне позвонили из военкомата и сказали, что мой билет готов и я могу его забрать. Видимо из-за мелочи решили не связываться. Но то, что все чиновники воры – я усвоил [коллективный. Форум: Разорять область они не боялись, а книжку бояться (2011)].*

(22) [*kornienkoanna, nick*] *И только сейчас поняла, что меня смущало. У Вас есть желание выплакать свои слезы. У Вас есть такая возможность – Ваша подруга. И однако Вы задаете вопрос в нашем уважаемом сообществе. Что-то Вас смущает, видимо. Это скорее мое наблюдение, чем вопрос, который требует ответа :) Удачи Вам! [tannennadel, nick] Спасибо, верное наблюдение¹ [коллективный. Форум: Старые слезы (2012)].*

Позиция вводного слова в начале высказывания наиболее удобна для адресата высказывания: он заранее «предупрежден» о том, что сообщаемая информация – это предположение о ситуации, которая может и не иметь место в действительности. Конечная позиция также позволяет дискурсивному маркеру оценивать достоверность всей выражаемой в высказывании информации, однако в данном случае адресату высказывания приходится «проводить переоценку» информации с точки зрения ее достоверности постфактум.

2. Второй тип употребления дискурсивного маркера *видимо* – это случаи, когда **предположительной является только часть информации**. В таком употреблении маркер оказывается «внутри» предложения, чаще всего в позиции между подлежащим и сказуемым. Говорящий подвергает сомнению только ту часть информации, которая выражена предикатом:

(23) *Прочие же владельцы, видимо, потеряли интерес к бизнесу, так как из кэптивной компании*

ТНС последовательно превращалась в компанию розничную, при этом не в самых «сладких» регионах страны [Евгений Огородников. Как заработать, когда не платят // «Эксперт», 2015].

В тех случаях, когда *видимо* находится внутри высказывания, но не между субъектом и предикатом, внутренняя позиция дискурсивного маркера позволяет разделять сообщаемую информацию на ту, достоверность которой не подвергается сомнению, и ту, которая маркируется как предположительная. В следующем примере сферой действия *видимо* является утверждение «на этот советский эффект»:

(24) *«Самым главным в деятельности женсоветов было наблюдение за моральным состоянием семей, предупреждение негативных явлений, скандалов, разводов, – пишет в своей работе «Гарнизонные Женсоветы в Советской армии в 60–80-е годы» академик, профессор кафедры истории и политологии Государственного университета управления Эльвира Еришова. – Во многих случаях эти «проработки» помогли, и в семье устанавливался мир». На этот советский эффект, видимо, рассчитывают супруги нынешних калужских полицейских, потому что при встрече с членами женсовета каждая торопится предупредить: «Если что, девчонки, приду к вам на своего жаловаться!» [Наталья Радулова. Добрый совет // «Огонек», 2015].*

Характерный случай частичной оценки информации с точки зрения ее достоверности – употребление маркера *видимо* в «объясняющих» контекстах:

(25) *Там установился жаркий, сухой климат, и, видимо, не было никаких лесов, под сводами которых мог бы парить археоптерикс, – там не встретить было даже дерева, а рос лишь невысокий кустарник [Александр Волков. Археоптерикс: старая новая птица // «Знание-сила», 2014].*

(26) *Получается, что из-за кризиса у нас в стране если и сокращали, то в основном около 10 процентов. Видимо, компании решили оптимизировать свою деятельность и начали избавляться от бесполезных должностей. На истеричное сворачивание бизнеса данная статистика мало походит. Игорь Тюринцев поймали момент [коллективный. Россия и мир. Письма // «Огонек», 2015].*

(27) *Информанты цитируют сегодня заместителя министра связи, обещающего пересмотреть условия покупки россиянами товаров в иностранных интернет-магазинах. «Основная проблема сегодня в том, что заказать за границей дешевле, чем купить в России», – говорит замминистра Свердлов. Видимо, чтобы решить проблему, придется сделать так, чтобы заказать за границей стало дороже [Олег Кашин. Основная проблема // «Русская жизнь», 2012].*

¹ Характерна реакция собеседника на дискурсивный маркер *видимо*: ответная реплика «Спасибо, верное наблюдение» указывает на то, что исходное предположение было правильным.

Отдельно следует выделить случаи иронического употребления дискурсивного маркера *видимо*. Как было показано в работе [8], ирония возникает в тех случаях, когда в качестве объяснения некоторого положения дел говорящий предлагает утверждение, вероятность которого близка к нулевой и не согласуется с нашим знанием об окружающем мире:

(28) *Но наши граждане как всегда в своем репертуаре, у себя на родине они видимо уже все проблемы решили, и всех спасли, теперь будут спасать финнов, а то ведь просто массово бегут финны в Россию от своей финской жизни [коллективный. Форум: В жижечке очередная истерия по поводу ЮЮ... Обсуждение (2012)].*

Корпусный анализ употреблений дискурсивного маркера *видимо* позволяет сделать несколько выводов:

1. Дискурсивное значение словоформы *видимо* в современном русском языке – маркирование предположительности – формировалось по мере синтаксического обособления словоформы *видимо*. Поэтому наличие синтаксической связи с другими членами предложения и позиция в высказывании являются одним из критериев отнесения данной единицы либо к полнозначным членам предложения, либо к вводным словам.

2. Прагматикализация – это длительный процесс, который сопровождается разрывом синтаксических связей между словоформами и изменением синтаксического статуса дискурсивного маркера (переходом его в разряд вводных слов).

3. Переход полнозначной словоформы *видимо* в разряд дискурсивных маркеров достоверности информации сопровождается изменениями в его семантике: значение зрительного восприятия полнозначной словоформы постепенно заменяется дискурсивным значением сомнения в достоверности сообщаемой информации.

4. Переход в статус дискурсивного маркера и утрата семантики зрительного восприятия привели к тому, что в современном употреблении *видимо* указывает на недостаточную уверенность говорящего в достоверности сообщаемой информации. Если полнозначное употребление указывает на нечто *очевидное*, т.е. объективно воспринимаемую информацию, то в функции дискурсивного маркера *видимо* – это сигнал выражаемой догадки, субъективной точки зрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: www.ruscorpora.ru
2. Русская грамматика / гл. ред. Н. Ю. Шведова; АН СССР, Институт русского языка. – Т. 2: Синтаксис. – М.: Наука, 1980. – 709 с.
3. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
4. Hopper P. Grammaticalization / P. Hopper, E. Traugott. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – 276 p.
5. Stenström A.-B. From Sentence to Discourse: *Cos (because)* in Teenage Talk / A.-B. Stenström // Discourse Markers. Description and Theory / ed. by A. Jucker & Y. Ziv. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1998. – P. 127–146.
6. Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство / сост. К. Киселева, Д. Пайар. – М.: Азбуковник, 2003. – 205 с.
7. Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц / И. М. Богуславский. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 460 с.
8. Шилихина К. М. Дискурсивные слова как маркеры иронии / К. М. Шилихина // Язык, коммуникация и социальная среда. – Вып. 11. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2013. – С. 103–124.

Воронежский государственный университет

Шилихина К. М., доктор филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики

E-mail: shilikhina@rgph.vsu.ru

Тел.: 8 (473) 220-41-49

Воронежский институт МВД России

Смирнова В. В., преподаватель кафедры иностранных языков

E-mail: v.v.smirnova85@yandex.ru

Тел.: 8-920-404-94-68

Voronezh State University

Shilikhina K. M., Doctor of Philology, Associate Professor of the Theoretical and Applied Linguistics Department

E-mail: shilikhina@rgph.vsu.ru

Tel.: 8 (473) 220-41-49

Voronezh Institute of the Interior Affairs Ministry of the Russian Federation

Smirnova V. V., Lecturer of the Foreign Languages Department

E-mail: v.v.smirnova85@yandex.ru

Tel.: 8-920-404-94-68